

Масленица в стихах и прозе

Масленица продолжается целых семь дней. И каждый день имеет свое название. Попробуйте сами догадаться, что в какой из дней делают:

- Понедельник - Встреча
- Вторник - Заигрыши
- Среда - Лакомка
- Четверг - Разгул
- Пятница - Тещины вечерки
- Суббота - Золовкины посиделки
- Воскресение - Прощеный день

В какие дни нужно петь да читать какие стихи:

Вас на Масленицу ждем!
Встретим масленым блином,
Сыром, медом, калачом
Да с капустой пирогом.
Всех нас пост Великий ждет,
Наедайся впрок, народ!
Всю неделюшку гуляй,
Все запасы подъедай.

А придет Прощеный день,
Нам поклоняться не лень,
Приходите в воскресенье -
Будем мы просить прощенья,
Чтоб с души грехи все снять,
С чистым сердцем пост встречать.
Скрепим дружбу поцелуем,
Хоть и так мы не воюем:
Ведь на Масленицу нужно
Укреплять любовью дружбу.
Приходите в гости к нам,
Будем рады мы гостям!

Сборник стихов и прозы по теме "Масленица", скачено с сайта www.russisch-fuer-kinder.de -
русский язык как второй родной для детей, родителей и учителей

От души вас поздравляем
И сердечно приглашаем:
Все заботы бросьте,
Приходите в гости,
Прямо к нашему крыльцу
К нам на Масленицу.
Убедитесь сами:
Угостим блинами,
На сметане пышками,
Пирогами пышными,
Февралю - помашем,
Марту – «здравствуй» скажем.

Как на масленой неделе
Из печи блины летели!
С пылу, с жару, из печи,
Все румяны, горячи!
Масленица, угощай!
Всем блинчиков подавай.
С пылу, с жару - разбирайте!
Похвалить не забывайте.

Ой, Масленица, протянися!
Ты за дуб, за колоду зацепися!
Ой, сказали - нашей Масленице
Семь годков,
А всего у Масленицы
Семь деньков.
Ой, Масленица-обманщица!
Обманула, провела,
Нагуляться не дала!

С Масленицей ласковой поздравляем вас,
Пирогам повластвовать наступает час.
Без блинов не сладятся проводы зимы,
К песне, к шутке, к радости приглашаем мы!

В любой праздник на Руси дети и взрослые меряются не только силой, но и умом! Попробуйте разгадать эти масленичные загадки:

На плешь капнешь, вставишь, попаришь, вынешь, поправишь.

Сидит царь-птица на золотых яичках.

Берега железны, рыба без костей, рыжая дорога.

Кто играет на дуде
Целый день,
Кто и пляшет и поет,
Веселит во всю народ?
Ох, мальчишечка не плох,
А зовется - ...
(ХОРОМОКС)

Мы тебя, красавицу,
Холили-лелеяли,
Песни тебе пели,
Ты ж в ответ – метелями
Вьюжила-кружила.
Нам не удружила.
Оттого нарядную
Мы тебя сжигаем,
... злая!
(АМИЗ)

Сборник стихов и прозы по теме "Масленица", скачено с сайта www.russisch-fuer-kinder.de -
русский язык как второй родной для детей, родителей и учителей

Частушки

Я на Масленицу катался,
Трое санок изломал.
Ворона коня замучил,
А милашку покатал.

Девки, Масленка идет!
Кто нас покатает?
У Петруни во дворе
Сивка пропадает.

Купи, тятя, мне коня –
Воронные ножки.
Буду девочек катать
По большой дорожке.

У меня четыре шали,
Пятая – пуховая,
Не одна я боевая –
Все мы здесь бедовые.

Масленица в русской поэзии

А. С. Пушкин
Евгений Онегин
(Отрывок из поэмы)

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на Масленице жирной
Водились русские блины.

М.Ю. Лермонтов

* * *

Посреди небесных тел
Лик луны туманный,
Как он кругл и как он бел,
Точно блин с сметаной.
Каждую ночь она в лучах
Путь проходит млечный.
Видно, там на небесах
Масленица вечно!

1833-1834

Сборник стихов и прозы по теме "Масленица", скачено с сайта www.russisch-fuer-kinder.de -
русский язык как второй родной для детей, родителей и учителей

М. Ю. Лермонтов

Песня про купца Калашникова...

(Отрывок из поэмы)

...Как сходилися, собиралися
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.
И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную
Оцепили место в двадцать пять сажень,
Для охотницкого бою одиночного,
И велел тогда царь Иван Васильевич
Клик кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь наградит;
А кто будет побит, тому Бог простит»

П.А. Вяземский (20 февраля 1853, Дрезден)

Масленица на чужой стороне

Здравствуй, в белом сарафане
Из серебряной парчи!
На тебе горят алмазы,
Словно яркие лучи.

Ты живительной улыбкой,
Свежей прелестью лица
Пробуждаешь к чувствам новым
Усыпленные сердца!

Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица-душа,
Белоснежная лебедка,
Здравствуй, матушка-зима!

Из-за льдистого Урала
Как сюда ты невзначай,
Как, родная, ты попала
В бусурманский этот край?

Здесь ты, сирая, не дома,
Здесь тебе не по нутру;
Нет приличного приема
И народ не на юру.

Чем твою мы милость встретим?
Как задать здесь пир горой?
Не сумеет им, немцам этим,
Поздороваться с тобой.

Не напрасно дедов слово
Затвердил народный ум:
«Что для русского здорово,
То для немца карачун!»

Нам не страшен снег суровый,
С снегом — батюшка-мороз,
Наш природный, наш дешевый
Пароход и паровоз.

Ты у нас краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава,
Молодецкая зима!

Скоро масленицы бойкой
Закипит широкий пир,
И блинами и настойкой
Закутит крещеный мир.

В честь тебе и ей Россия,
Православных предков дочь,
Строит горы ледяные
И гуляет день и ночь.

Игры, братские попойки,
Настежь двери и сердца!
Пышут бешеные тройки,
Снег топоча у крыльца.

Вот взвились и полетели,
Что твой сокол в облаках!
Красота ямской артели
Вожжи ловко сжал в руках;

В шапке, в синем полушубке
Так и смотрит молодцом,
Погоняет закадычных
Свистом, ласковым словцом.

Мать дородная в шубейке
Важно в розвальнях сидит,
Дочка рядом в душегрейке,
Словно маков цвет горит.

Яркой пылью иней сыплет
И одежду серебрит,
А мороз, лаская, щиплет
Нежный бархатец ланит.

И белее и румяней
Дева блещет красотой,
Как алеет на поляне
Снег под утренней зарей.

Мчатся вихрем, без помехи
По полям и по рекам,
Звонко щелкают орехи
На веселие зубкам.

Пряник, мой однофамилец,
Также тут не позабыт,
А наш пенник, наш кормилец,
Сердце любо веселит.

Разгулялись город, села,
Загулялись стар и млад,—
Всем зима родная гостья,
Каждый масленице рад.

Нет конца веселым кликам,
Песням, удали, пирам.
Где тут немцам-горемыкам
Вторить вам, богатырям?

Сани здесь — подобной дряни
Не видал я на веку;
Стыдно сесть в чужие сани
Коренному русаку.

Нет, красавица, не место
Здесь тебе, не обиход,
Снег здесь — рыхленькое тесто,
Вял мороз и вял народ.

Чем почтят тебя, сударку?
Разве кружкою пивной,
Да копеечной сигаркой,
Да копченой колбасой.

С пива только кровь густеет,
Ум раскиснет и лицо;
То ли дело, как прогреет
Наше рьяное винцо!

Как шепнет оно в догадку
Ретивому на ушко,—
Не споеет, ей-ей, так сладко
Хоть бы вдовушка Клико!

Выпьет чарку-чародейку
Забубенный наш земляк:
Жизнь копейка!— смерть-злодейку
Он считает за пустяк.

Немец к мудрецам причислен,
Немец — дока для всего,
Немец так глубокомыслен,
Что провалишься в него.

Но, по нашему покрою,
Если немца взять врасплох,
А особенно зимою,
Немец — воля ваша!— плох.

Песня Еремки из оперы А. Н. Серова «Вражья сила»

Потешу я свою хозяйку -
Возьму я в руку балалайку...
Широкая Масленица? Ты с чем пришла?
Со веселием, да с радостью,
И со всякими сладостями,
С пирогами, с оладьями
Да с блинами горячими,
С скоморохами -гудошниками,
С дударем да с волынками,
Со пивами ячменными,
Со медами свяченными...
Широкая Масленица!
Ты зачем пришла?
Поиграть, позабавиться
С молодыми, со молодками,
Покататься да потешиться
С бубенцами валдайскими...
Широкая Масленица! Ты с чем уйдешь?
Велики мои проводы -
Поведут вон из города
На санях на соломенных
Да с упряжкой мочальнойю...
Велики мои проводы -
С бороною кудельною,
С головою похмельною,
С кафтанами пропитыми
Да с носами разбитыми...
Широкая Масленица!

Т. Смертина
Марья – зажги снега

Зима не навек!
Размаслило снег.
Солнце, как блин,
Пышет в синь!
По селу во все концы -
Колокольцы.
Лошади тройками!
Бабы взойкали.
Дуги цветасты,
Гривы - в косы.
Весна, здравствуй.
Просим!
А в санях-то, ах!
Девочек малинно,
Шали веют длинно.
Вон и конюх сам,
Развалясь важно,
У него по саням
Цветы бумажные,
А в руке красный флаг,
Виднее так!
Масленица честная,
Селам всем известная,
Блинами объедаха,
Червонцам приберуха!
Проедим зимицу,
Пропьем, как невесту,
И проводим с честью!

За зимью красоту
Отгуляйте свободно,
Чтобы было в году
Плодородно!

А. Дементьев

Прощеное воскресенье

Прощаю всех, кого простить нельзя.
Кто клеветой мостил мои дороги.
Господь учил: "Не будьте к ближним строги.
Вас все равно всех помирит земля".
Прощаю тех, кто добрые слова
Мне говорил, не веря в них нисколько.
И все-таки как ни было мне горько,
Доверчивость моя была права.
Прощаю всех я, кто желал мне зла.
Но мстью душу я свою не тешил.
Поскольку в битвах тоже не безгрешен.
Кого-то и моя нашла стрела.

Ираида Мордовина

Масленица

Этот праздник к нам идет
Раннею весною,
Сколько радостей несет
Он всегда с собою!

Ледяные горы ждут,
И снежок сверкает,
Санки с горок вниз бегут,
Смех не умолкает.

Дома аромат блинов
Праздничный чудесный,
На блины друзей зовем,
Будем есть их вместе.

Шумно, весело пройдет
Сырная Седмица,
А за ней - Великий пост,
Время, чтоб молиться.

Сборник стихов и прозы по теме "Масленица", скачено с сайта www.russisch-fuer-kinder.de -
русский язык как второй родной для детей, родителей и учителей

Вас на Масленицу ждем!
Встретим масленным блином,
Сыром, медом, калачом
Да с капустой пирогом.
Всех нас пост Великий ждет,
Наедайся впрок, народ!
Всю неделюшку гуляй,
Все запасы подъедай.
А придет Прощеный день,
Нам поклоняться не лень,
Приходите в воскресенье -
Будем мы просить прощенья,
Чтоб с души грехи все снять,
С чистым сердцем пост встречать.
Скрепим дружбу поцелуем,
Хоть и так мы не воюем:
Ведь на Масленицу нужно
Укреплять любовью дружбу.
Приходите в гости к нам,
Будем рады мы гостям!

Как на масленой неделе
Из печи блины летели!
С пылу, с жару, из печи,
Все румяны, горячи!
Масленица, угощай!
Всем блиночков подавай.
С пылу, с жару - разбирайте!
Похвалить не забывайте.

Со времён старинных, давних
Праздник Солнца к нам спешит.
Он один из самых ранних
В окна вешним днём глядит.
Это Масленица мчится
Вдоль по улицам родным.
Пьёт, гуляет вся станица,
Ест блины куском большим:
Со сметаной и нардеком,
С рыбой, мясом и икрой.

Сборник стихов и прозы по теме "Масленица", скачено с сайта www.russisch-fuer-kinder.de -
русский язык как второй родной для детей, родителей и учителей

Шире праздник с каждым веком,
Не называть его игрой.
Понедельник - день для встречи,
В гости все к друзьям идут.
А во вторник - песни, пляски.
Заигрышем день зовут.
В среду - стол от угощений
Ломится: ешь, пей, казак!
А в четверг - день примирений...
"Тёщин день" - зовётся так.
Мирится свекровь с снохою,
Тёща зятю руку жмёт.
Споры кум забыл с кумою,
В гости всяк к себе зовёт.
Хороводы водят девки,
Парни едут на санях.
С яра снежного подлетки
Мчатся с горок на ногах.
Казак урядник бравый
Зазывает для игры.
Рано утром он, лукавый,
Навтыкал в сугроб лозы.
На конях разгорячённых
Её рубят казаки:
На скаку на полном саблей
Её режут дончаки.
В стороне казачек важных
Неспокойный курагод.
Они в снег платки бросают -
Пусть наездник подберёт...
Ну а в пятницу - гулянье,
Пир на улицах идёт.
Атамана угощенье...
За столы спешит народ.
От блинов горячих жарко,
Медный самовар пыхтит.
Каждый весел без подарка.
Тройка шумная летит.
Кони ряженные скачут,
Стон полозьев, песни, смех.
Казаки под бубен пляшут,

Сборник стихов и прозы по теме "Масленица", скачено с сайта www.russisch-fuer-kinder.de -
русский язык как второй родной для детей, родителей и учителей

Старики счастливей всех.
День субботний величаво
Посиделками зовут.
Хороводы с песней водят,
В гости без конца идут.
Воскресенье - день прощанья,
Проводы седой зимы.
В каждой хате целованья,
Год ждуть новой Маслены.
Колокольный звон играет,
Всех к заутрене зовёт.
Молодой и старый знает:
Завтра пост в дома придёт.
После службы в поле выйдут
Все с поклоном казаки.
К Солнцу взор с молитвой вскинут
И попросят по-людски:
- Солнце красное, будь щедрым,
В поле семена согрей!
Будь, Господь, к нам милосердным:
Землю дождичком полей.
Дотемна идёт веселье,
Угощается народ,
До звезды до первой чтобы
Всем наесться наперёд.

А есть даже целая пьеса, действие которой разворачивается на Масленицу:

**<http://ilibrary.ru/text/1200/index.html> - А.Н. Островский «Снегурочка»
(Фрагмент)**

Общий хор

Одна сторона:

А мы просо сеяли, сеяли,
Ой Дид-Ладо, сеяли, сеяли.

Другая сторона:

А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой Дид-Ладо, вытопчем, вытопчем.

1-я:

А чем же вам вытоптать, вытоптать,
Ой Дид-Ладо, вытоптать, вытоптать?

2-я:

А мы коней выпустим, выпустим,
Ой Дид-Ладо, выпустим, выпустим.

1-я:

А мы коней переймем, переймем,
Ой Дид-Ладо, переймем, переймем.

2-я:

А мы коней выкупим, выкупим,
Ой Дид-Ладо, выкупим, выкупим.

1-я:

А чем же вам выкупить, выкупить,
Ой Дид-Ладо, выкупить, выкупить?

2-я:

А мы дадим девицу, девицу,
Ой Дид-Ладо, девицу, девицу.

1-я:

А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дид-Ладо, прибыло, прибыло.

2-я:

А нашего полку убыло, убыло,
Ой Дид-Ладо, убыло, убыло.

Масленица в русской прозе

А.П. Чехов

МАСЛЕНИЧНЫЕ ПРАВИЛА ДИСЦИПЛИНЫ

§. Масленица получила свое название от русского слова «масло», которое в избытке употребляется во время блинов, как чухонское, и после блинов, как oleum ricini¹.

§. По мнению Гатцука, Суворина и других календаристов, она начинается 28-го января и кончается 3-го февраля. Замоскворецкие же пупсики и железнодорожные бонзы начинают ее 1-го января и кончают 31-го декабря.

§. Перед масленицей сходи к мастеру и полуди свой желудок.

§. Всю неделю помни, что ты невменяем и родства не помнящий, а посему остерегай себя от совершения великих дел, дабы не впасть в великие ошибки. Истребляй блины, интригуй вдову Попову, сокрушай Ланина, сбивай с окружающих тебя предметов зеленых чёртиков, но не выбирай городских голов, не женись, не строй железных дорог, не пиши книг нравственного содержания и прочее.

§. Тратясь на муку, водку и зернистую икру, не забывай, что тебе предстоит еще ведаться с аптекарской таксой.

§. Если тебе ведением или неведением друзья твои или враги наставят фонарь, то не ходи в городскую управу и не предлагай там услуг в качестве уличного фонаря, а ложись спать и проспись.

§. Не всё коту масленица, придет и великий пост. Если ты кот, то имей это в виду.

А.П. Чехов

О БРЕННОСТИ (МАСЛЕНИЧНАЯ ТЕМА ДЛЯ ПРОПОВЕДИ)

Надворный советник Семен Петрович Подтыкин сел за стол, покрыл свою грудь салфеткой и, сгорая нетерпением, стал ожидать того момента, когда начнут подавать блины... Перед ним, как перед полководцем, осматривающим поле битвы, расстилалась целая картина... Посреди стола, вытянувшись во фронт, стояли стройные бутылки. Тут были три сорта водок, киевская наливка, шатолароз, рейнвейн и даже пузатый сосуд с произведением отцов бенедиктинцев. Вокруг напитков в художественном беспорядке теснились сельди с горчичным соусом, кильки, сметана, зернистая икра (3 руб. 40 коп. за

фунт), свежая семга и проч. Подтыкин глядел на всё это и жадно глотал слюнки... Глаза его подернулись маслом, лицо покривило сладострастьем...

— Ну, можно ли так долго? — поморщился он, обращаясь к жене. — Скорее, Катя!

Но вот, наконец, показалась кухарка с блинами... Семен Петрович, рискуя ожечь пальцы, схватил два верхних, самых горячих блина и аппетитно шлепнул их на свою тарелку. Блины были поджаристые, пористые, пухлые, как плечо купеческой дочери... Подтыкин приятно улыбнулся, икнул от восторга и облил их горячим маслом. Засим, как бы разжигая свой аппетит и наслаждаясь предвкушением, он медленно, с расстановкой обмазал их икрой. Места, на которые не попала икра, он облил сметаной... Оставалось теперь только есть, не правда ли? Но нет!.. Подтыкин взглянул на дела рук своих и не удовлетворился... Подумав немного, он положил на блины самый жирный кусок семги, кильку и сардинку, потом уж, млея и задыхаясь, свернул оба блина в трубку, с чувством выпил рюмку водки, крякнул, раскрыл рот...

Но тут его хватил апоплексический удар.

1886

Тэффи (Н.А. Лохвицкая)

1. БЛИН.

Это было давно. Это было месяца четыре назад.

Сидели мы в душистую южную ночь на берегу Арно.

То есть сидели-то мы не на берегу, — где же там сидеть: сыро и грязно, да и неприлично, — а сидели мы на балконе отеля, но уж так принято говорить для поэтичности.

Компания была смешанная — русско-итальянская.

Так как между нами не было ни чересчур близких друзей, ни родственников, то говорили мы друг другу вещи исключительно приятные.

В особенности в смысле международных отношений.

Мы, русские, восторгались Италией. итальянцы высказывали твердую, ничем несокрушимую уверенность, что Россия также прекрасна. Они кричали, что итальянцы ненавидят солнце и совсем не переносят жары, что они обожают мороз и с детства мечтают о снеге.

В конце концов мы так убедили друг друга в достоинствах наших родин, что уже не в состоянии были вести беседу с прежним пафосом.

Сборник стихов и прозы по теме "Масленица", скачено с сайта www.russisch-fuer-kinder.de - русский язык как второй родной для детей, родителей и учителей

— Да, конечно, Италия прекрасна, — задумались итальянцы.

— А ведь мороз, — он... того. Имеет за собой... — сказали и мы друг другу.

И сразу сплотились и почувствовали, что итальянцы немножко со своей Италией зазнались и пора показать им их настоящее место.

Они тоже стали как-то перешептываться.

— У вас очень много шипящих букв, — сказал вдруг один из них. — У нас язык для произношения очень легкий. А у вас все свистят да шипят.

— Да, — холодно отвечали мы. — Это происходит от того, что у нас очень богатый язык. В нашем языке находятся все существующие в мире звуки. Само собой разумеется, что при этом приходится иногда и присвистнуть.

— А разве у вас есть "ти-эч", как у англичан? — усомнился один из итальянцев. — Я не слышал.

— Конечно, есть. Мало ли что вы не слышали. Не можем же мы каждую минуту "ти-эч" произносить. У нас и без того столько звуков.

— У нас в азбуке шестьдесят четыре буквы, — ухнула я.

Итальянцы несколько минут молча смотрели на меня, а я встала и, повернувшись к ним спиной, стала разглядывать луну. Так было спокойнее. Да и к тому же каждый имеет право созидать славу своей родины, как умеет.

Помолчали.

— Вот приезжайте к нам ранней весной, — сказали итальянцы, — когда все цветет. У вас еще снег лежит в конце февраля, а у нас какая красота!

— Ну, в феврале у нас тоже хорошо. У нас в феврале масленица.

— Масленица. Блины едим.

— А что же это такое блины?

Мы переглянулись. Ну, как этим шарманщикам объяснить, что такое блин!

— Блин, это очень вкусно, — объяснила я. Но они не поняли.

— С маслом, — сказала я еще точнее.

— Со сметаной, — вставил русский из нашей компании.

Но вышло еще хуже. Они и блина себе не уяснили, да еще вдобавок и сметану не поняли.

— Блины, это — когда масленица! — толково сказала одна из наших дам.

— Блины... в них главное икра, — объяснила другая.

— Это рыба! — догадался, наконец, один из итальянцев.

— Какая же рыба, когда их пекут! — рассмеялась дама.

— А разве рыбу не пекут?

— Пекут-то пекут, да у рыбы совсем другое тело. Рыбное тело. А у блина — мучное.

— Со сметаной, — опять вставил русский.

— Блинов очень много едят, — продолжала дама. — Съедят штук двадцать. Потом хворают.

— Ядовитые? — спросили итальянцы и сделали круглые глаза. — Из

растительного царства?

— Нет, из муки. Мука ведь не растет? Мука в лавке.

Мы замолчали и чувствовали, как между нами и милыми итальянцами, полчаса назад восторгавшимися нашей родиной, легла глубокая, темная пропасть взаимного недоверия и непонимания.

Они переглянулись, перешепнулись.

Жутко стало.

— Знаете, что, господа, — нехорошо у нас как-то насчет блинов выходит. Они нас за каких-то врулей считают.

Положение было не из приятных.

Но между нами был человек основательный, серьезный — учитель математики. Он посмотрел строго на нас, строго на итальянцев и сказал отчетливо и внятно:

— Сейчас я возьму на себя честь объяснить вам, что такое блин. Для получения этого последнего берется окружность в три вершка в диаметре. Пи-эр квадрат заполняется массой из муки с молоком и дрожжами. Затем все это сооружение подвергается медленному действию огня, отделенного от него железной средой. Чтобы сделать влияние огня на пи-эр квадрат менее интенсивным, железная среда покрывается олеиновыми и стеариновыми кислотами, т. е. так называемым маслом. Полученная путем нагревания компактная тягуче-упругая смесь вводится затем через пищевод в организм человека, что в большом количестве вредно.

Учитель замолчал и окинул всех торжествующим взглядом.

Итальянцы пошептались и спросили робко:

— А с какою целью вы все это делаете?

Учитель вскинул брови, удивляясь вопросу, и ответил строго:

— Чтобы весело было!

2. Широкая масленица.

Из кухни несется чад, густой, масляный. Он режет глаза, и собравшиеся у закуски гости жмурятся и мигают.

— Блины несут! Блины несут! Несут,

Но вам не хватит. Ваш сосед взял два последних, а вам придется подождать "горяченьких".

Но, когда принесут "горяченьких", окажется, что большинство уже съело первую порцию, — и прислуга начинает подавать опять сначала.

На этот раз вам достается блин — один, всеми отвергнутый, с драным боком и дыркой посредине.

Вы берете его с кротким видом сиротки из хрестоматии и начинаете искать глазами масло.

Масло всегда бывает на другом конце стола. Это печальный факт, с которым нужно считаться. Но так как со своим маслом приходиться в гости не принято, то нужно покориться судьбе и жевать голый блин.

Когда вы съедите его, — судьба, наверное, улыбнется, и вам передадут масло с двух сторон сразу. Судьба любит кротких и всегда награждает их по миновании надобности.

На самом почетном месте стола сидит обыкновенно блинный враль. Это просто-напросто хитрый обжора, который распускает о себе слухи, что он может съесть тридцать два блина.

Благодаря этому он сразу делается центром внимания. Ему первому подают, его блины прежде других подмасливаются и сдабриваются всякими масленичными аксессуарами.

Съев штук пятнадцать-двадцать, — сколько аппетита хватит, — с полным комфортом, он вдруг заявляет, что блины сегодня не совсем так испечены, как следует.

— Нет в них чего-то такого, этакое, — понимаете? Неуловимого. Вот это-то неуловимое и делает их удобосъедаемыми в тридцатидвухштучном количестве.

Все разочарованы. Хозяевы обижены. Обижены, зачем много съел, и зачем никого не удивил.

Но ему все равно.

— Что слава? яркая заплата на бедном рубище певца!

Он всех надул, поел, как хотел, и счастлив.

Еще несут горяченьких.

Теперь, когда все сыты, вам дают сразу три хороших горячих блина.

Вы шлепаете их на тарелку и в радостном оживлении окидываете глазами стол.

Направо от вас красуется убранное зеленью блюдо из-под семги, налево — аппетитный жбан из-под икры, а прямо у вашей тарелки приютилась мисочка, в которой пять минут назад была сметана.

Хозяйка посмотрит на вас такими умоляющими глазами, что вы сразу громко закричите о том, что блины, собственно говоря, вкуснее всего в натуральном виде, без всяких приправ, которые, в сущности, только отбивают настоящий вкус, и что истинные ценители блина предпочитают его именно без всяких приправ.

Я видела как-то за блинами молодого человека великой души, который, под умоляющим взглядом хозяйки, сделал вид, что нашел в пустой банке икру и положил ее себе на тарелку. Мало того, он не забывал на кусок блина намазывать эту воображаемую икру и проделывал все это с такой самоотверженной искренностью, что следившая за ним хозяйка даже в лице изменилась. Ей, вероятно, показалось, что она сошла с ума и лишилась способности видеть икру.

После блинов вас заставят есть никому не нужную и не милую уху и прочую ерунду, а когда вам захочется спать, — вас потащат в гостиную и заставят разговаривать.

Пожалуйста, только не вздумайте взглянуть на часы и сказать, что вам нужно еще написать два письма. Посмотрите на себя в зеркало, — ну кто вам поверит?

Лучше прямо подойдите к хозяйке, поднимите на нее ваши честные глаза и скажите просто:

— Я спать хочу.

Она сразу опешит и ничего не найдет сказать вам.

И пока она хлопает глазами, вы успеете со всеми попрощаться и улизнуть.

А хозяйка долго будет думать про вас, что вы шутник.

Так чего же лучше?

1916

И.Шмелёв

ЛЕТО ГОСПОДНЕ

(Отрывок)

Масленица... Я и теперь еще чувствую это слово, как чувствовал его в детстве: яркие пятна, звоны — вызывает оно во мне; пылающие печи, синеватые волны чада в довольном гуле набравшегося люда, ухабистую снежную дорогу, уже замаслившуюся на солнце, с ныряющими по ней веселыми санями, с веселыми конями в розанах, в колокольцах и бубенцах, с игривыми переборами гармонии. Или с детства осталось во мне чудесное, непохожее ни на что другое, в ярких цветах и позолоте, что весело называлось — «масленица»?

Она стояла на высоком прилавке в банях. На большом круглом прянике — на блине? — от которого пахло медом — и клеем пахло! — с золочеными горками по краю, с дремучим лесом, где торчали на колышках медведи, волки и зайчики, — поднимались чудесные пышные цветы, похожие на розы, и все это блистало, обвитое золотою канителью... Чудесную эту «масленицу» устраивал старичок в Зарядье, какой-то Иван Егорыч. Умер неведомый Егорыч — и «масленицы» исчезли. Но живы они во мне. Теперь потускнели праздники, и люди как будто охладели. А тогда... все и все были со мною связаны, и я был со всеми связан, от нищего старичка на кухне, зашедшего на «убогий блин», до незнакомой тройки, умчавшейся в темноту со звоном. И Бог на небе, за звездами, с лаской глядел на всех, масленица, гуляйте! В этом широком слове и теперь еще для меня жива яркая радость, перед грустью... — перед постом?

Оттепели все чаще, снег маслится. С солнечной стороны висят стеклянную бахромою сосульки, плаваются-звякают о льдышки. Прыгаешь на одном коньке, и

Сборник стихов и прозы по теме "Масленица", скачено с сайта www.russisch-fuer-kinder.de - русский язык как второй родной для детей, родителей и учителей

чувствуется, как мягко режет, словно по толстой коже. Прощай, зима! Это и по галкам видно, как они кружат «свадьбой», и цокающий их гомон куда-то манит. Болтаешь коньком на лавочке и долго следишь за черной их кашей в небе. Куда-то скрылись. И вот проступают звезды. Ветерок сыроватый, мягкий, пахнет печеным хлебом, вкусным дымком березовым, блинами. Капает в темноте, — масленица идет. Давно на окне в столовой поставлен огромный ящик: посадили лучок, «к блинам»; зеленые его перышки — большие, приятно гладить. Мальчишка от мучника кому-то провез муку. Нам уже привезли: мешок голубой крупчатки и четыре мешка «людской». Привезли и сухих дров, березовых. «Еловые стрекают, — сказал мне ездок Михаила, — «галочка» не припек. Уж и поедим мы с тобой блинков!»

Я сижу на кожаном диване в кабинете. Отец, под зеленой лампой, стучит на счетах. Василь-Василич Косой стреляет от двери глазом. Говорят о страшно интересном, как бы не срезало льдом под Симоновом барки с сеном, и о плотях-дровянках, которые пойдут с Можайска.

— А нащот масленой чего прикажете? Муки давеча привезли робятам...

— Сколько у нас харчится?

— Да... плотников сорок робят подались домой, на маслену... — поокивает Василь-Василич, — володимерцы, на кулачки биться, блины вытряхать, сами знаете наш обычай!.. — вздыхает, посмеиваясь, Косой.

— Народ попрдерживай, весна... как тараканы поразбегутся. Человек шестьдесят есть?

— Робят-то шестьдесят четыре. Севрюжины соленой надо бы...

— Возьмешь. У Жирнова как?..

— Паркетчики, народ капризный! Белужины им купили да по селедке...

— Тож и нашим. Трои блинов, с пятницы зачинать. Блинов вволю давай. Масли жирней. На припек серого снетка, ко щам головизны дашь.

— А нащот винца, как прикажете? — ласково говорит Косой, вежливо прикрывая рот.

— К блинам по шкалику.

— Будто бы и маловато-с?.. Для прощенного... проститься, как говорится.

— Знаю твое прощанье!..

— Заговуюсь, до самой Пасхи ни капли в рот.

— Два ведра — будет?

— И довольно-с! — прикинув, весело говорит Косой. — Заслужут-с, наше дело при воде, чижолое-с.

Отец отдает распоряжения. У Титова, от Москворецкого, для стола — икры свежей, троечной, и ершей к ухе. Вязиги у Колганова взять, у него же и судаков с икрой, и наваги архангельской, семивершковой. В Зарядье — снетка белозерского, мытого. У Васьки Егорова из садка стерлядок...

— Преосвященный у меня на блинах будет в пятницу! Скажешь Ваське Егорову,

налимов мерных пару для навару дал чтобы, и плес сомовий. У Палтусова икры для кальи, с отонкой, пожирней, из отстоя...

— П-маю-ссс... — говорит Косой, и в горле у него хлюпает. Хлюпает и у меня, с гулянья.

— В Охотном у Трофимова — сигов пару, порозовой. Белорыбицу сам выберу, заеду. К ботвинье свежих огурцов-У Егорова в Охотном. Понял?

— П-маю-ссс... Лещика еще, может?.. Его первосвященство, сказывали?..

— Обязательно, леща! Очень преосвященный уважает. Для ливных и по расстегаям — Гараньку из Митриева трактира. Скажешь — от меня. Вина ему — ни капли, пока не справит!.. Как мастер — так пьяница!..

— Слабость... И винца-то не пьет, рябиновкой избаловался. За то из дворца и выгнали... Как ему не дашь... запасы с собой носит!

— Тебя вот никак не выгонишь, подлеца!.. Отыми, на то ты и...

— В прошлом годе отымал, а он на меня с ножо-ом!.. Да он и нетверезый не подгадит, кухарку вот побить может... выбираться уж ей придется. И с посудой озорничает, все не по нем. Печку велел перекидывать, такой-то царь-соломон!.. Я рад, что будет опять Гаранька и будет дым коромыслом. Плотники его свяжут к вечеру и повезут на дровнях в трактир с гармоньями.

Масленица в развале. Такое солнце, что разогрело лужи. Сараи блестят сосульками. Идут парни с веселыми связками шаров, гудят шарманки.

Фабричные, внавалку, катаются на извозчиках с гармоньей. Мальчишки «в блина играют»: руки назад, блин в зубы, пытаются друг у друга зубами вырвать — не выронить, весело бьются мордами.

Просторная мастерская, откуда вынесены станки и ведерки с краской, блестит столами: столы поструганы, для блинов. Плотники, пильщики, водоливы, кровельщики, маляры, десятники, ездоки — в рубахах распояской, с намасленными головами, едят блины. Широкая печь пылает. Две стряпухи не поспевают печь. На сковородках, с тарелку, «черные» блины пекутся и гречневые, румяные, кладутся в стопки, и ловкий десятник Прошин, с серьгой в ухе, шлепает их об стол, словно дает по плечи. Слышится сочно — ляпп! Всем по череду: ляп... ляп... ляпп!.. Пар идет от блинов винтами. Я смотрю от двери, как складывают их в четверку, макают в горячее масло в мисках и чавкают. Пар валит изо ртов, с голов. Дымится от красных чашек со щами с головизной, от баб-стряпух, со сбившимися алыми платками, от их распаленных лиц, от масленых красных рук, по которым, сияя, бегают желтые язычки от печки. Синее чадом под потолком. Стоит благодатный гул: довольны.

— Бабочки, подпекай... с припечком — со снеточком!..

Кадушки с опарой дышат, льется-шипит по сковородкам вспухает пузырями. Пахнет опарным духом, горелым маслом ситцами от рубах, жилым. Все чаще роздыхи, передышки вздохи. Кое-кто пошабашил, селедочную головку гложет. Из медного куба — паром, до потолка.

— Ну, как, робятки?.. — кричит заглянувший Василь-Василич, — всего уели? — заглядывает в квашни. — Подпекай-подпекай, Матреш... не жалея подмазки, дадим замазки!..

Гудят, веселые.

— По шкаличку бы еще, Василь-Василич... — слышится из углов, — блинки заправить.

— Ва-лляй!.. — лихо кричит Косой. — Архирея встречаем, куда ни шло...

Гудят. Звякают зеленые четверти о шкалик. Ляпают подоспевшие блины.

— Хозяин идет!.. — кричат весело от окна.

Отец, как всегда, бегом, оглядывает бойко.

— Масленица как, ребята? Все довольны?..

— Благодарим покорно... довольны!..

— По шкалику добавить! Только смотри, подлецы... не безобразить!..

Не обижаются: знают — ласка. Отец берет ляпнувший перед ним блиннице, дерет от него лоскут, макает в масло.

— Вкуснее, ребята, наших! Стряпухам — по целковому. Всем по двугривенному, на масленицу!

Так гудят, — ничего и не разобрать. В груди у меня спирает. Высокий плотник подхватывает меня, швыряет под потолок, в чад, прижимает к мокрой, горячей бороде. Суют мне блина, подсолнушков, розовый пряник в махорочных соринках, дают крашеную ложку, вытерев круто пальцем, — нашего-то отведай! Все они мне знакомы, все ласковы. Я слушаю их речи, прибаутки. Выбегаю на двор. Тает большая лужа, дрызгаются мальчишки. Вываливаются — подышать воздухом, масленичной весной. Пар от голов клубится. Потягиваются сонно, бредут в сушильню — поспать на стружке.

Поджидают карету с архиереем. Василь-Василич все бегаёт к воротам. Он без шапки. Из-под нового пиджака розовеет рубаха под жилеткой, болтаётся медная цепочка. Волосы хорошо расчесаны и блещут. Лицо багровое, глаз стреляет «двойным зарядом», Косой уж успел заправиться, но до вечера «достоит». Горкин за ним досматривает, не стегнул бы себе в конторку. На конторке висит замок. Я вижу, как Василь-Василич вдруг устремляется к конторке, но что-то ему мешает. Совесть? Архиерей приедет, а он дал слово, что «достоит». Горкин ходит за ним, как нянька:

— Уж додержишься маненько, Василич... Опосля уж поотдохнешь.

— Д-держусь!.. — лихо кричит Косой. — Я-то... дда не додержусь?..

Песком посыпано до парадного. Двери настезь.

Марьюшка ушла наверх, выселили ее из кухни. Там воцарился повар, рыжий, худой Гаранька, в огромном колпаке веером, мелькает в пару, как страх. В окно со двора мне видно, как бьет он подручных скалкой. С вечера зашумел. Выбегает на снег, размазывает на ладони тесто, проглядывает на свет зачем-то.

— Мудрователь-то мудрует! — с почтением говорит Василь-Василич. — В царских

дворцах служил!..

— Скоро ли ваш архирей наедет?.. Срок у меня доходит!.. — кричит Гаранька, снежком вытирая руки.

С крыши орут — едет!..

Карета, с выносным, мальчишкой. Келейник соскакивает с козел, откидывает дверцу. Прибывший раньше протодьякон встречает с батюшками и причтом. Ведут архиерея по песочку, на лестницу. Протодьякон ушел вперед, закрыл собою окно и потрясает ужасом:

Исполла э-ти де-спо-та-аааа...

Рычанье его выкатывается в сени, гремит по стеклам, на улицу. Из кухни кричит Гаранька:

— Эй, начинаю расстегаи!..

— Зачина-ай!.. — кричит Василь-Василич умоляющим голосом и почему-то пляшет.

Стол огромный. Чего только нет на нем! Рыбы, рыбы... Икорницы в хрустале, во льду, сиги в петрушке, красная семга, лососина, белорыбица-жемчужница, с зелеными глазками огурца, глыбы паюсной, глыбы сыру, хрящ осетровый в уксусе фарфоровые вазы со сметаной, в которой торчком ложки, розовые масленки с золотистым кипящим маслом на камфорках, графинчики, бутылки... Черные сюртуки, белые и палевые шали, «головки», кружевные наколочки...

Несут блины, под покровом.

— Ваше преосвященство!..

Архиерей сухощавый, строгий, — как говорится, постный. Кушает мало, скромно. Протодьякон — против него, громаден, страшен. Я вижу с уголка, как раскрывается его рот до зева, и наваленные блины, серые от икры текучей, льются в протодьякона стопами. Плывет к нему сиг, и отплывает с разрытым боком. Льется масло в икру, в сметану. Льется по редкой бородке протодьякона, по мягким губам, малиновым.

— Ваше преосвященство... а расстегайчика-то к ущице!..

— Ах, мы, чревоугодники... Воистину, удивительный расстегай!.. — слышится в тишине, как шелест, с померкших губ.

— Самые знаменитые, гаранькинские расстегаи, ваше преосвященство, на всю Москву-с!..

— Слышал, слышал... Наградит же Господь талантом для нашего искушения!..

Уди-ви-тельный расстегай...

— Ваше преосвященство... дозволейте просить еще?..

— Благослови, преосвященный владыко... — рычит протодьякон, отжевавшись, и откидывает ручищей копну волос.

— Ну-ну, отверзи уста, протодьякон, возблагодари... — ласково говорит преосвященный. — Вздохни немножко...

Василь-Василич чего-то машет, и вдруг садится на корточки! На лестнице запруда, в передней давка. Протодьякон в славе: голосом гасит лампы и выпирает стекла. Начинает из глубины, где сейчас у него блины, кажется мне, по голосу-ворчанью. Волосы его ходят под урчанье. Начинают дрожать лафитнички — мелким звоном. Дрожат хрустали на люстрах, дребезгом отвечают окна. Я смотрю, как на шее у протодьякона дрожит-набухает жила, как склонилась в сметане ложка... чувствую, как в груди у меня спирает и режет в ухе. Господи, упадет потолок сейчас!..

Преосвященному и всему освященному собору... и честному дому сему... — много-я... ле... т-та-а-ааааа!!!

Гукнуло-треснуло в рояле, погасла в углу перед образом лампадка!.. Падают ножи и вилки. Стучаются лафитнички. Василь-Василич взвизгивает, рыдая: — Го-споди!..

От протодьякона жар и дым. На трех стульях раскинулся. Пьет квас. За ухую и расстегаями — опять и опять блины. Блины с припеком. За ними заливное, опять блины, уже с двойным припеком. За ними осетрина паровая, блины с подпеком. Лещ необыкновенной величины, с грибками, с кашкой... наважка семивершковая, с белозерским снетком в сухариках, политая грибной сметанкой... блины молочные, легкие, блинцы с яичками... еще разварная рыба с икрой судачейей, с поджарочкой... желе апельсиновое, пломбир миндальный — ванилевый...

Архиерей отъехал, выкушав чашку чая с апельсинчиком — «для осадки». Отвезли протодьякона, набравшего расстегайчиков в карманы, навязали ему в кулек диковинной наваги, — «зверь-навага!». Сидят в гостинной шали и сюртуки, вздыхают, чаек попивают с апельсинчиком. Внизу шумят. Гаранька требует еще бутылку рябиновки и уходит не хочет, разбил окошко. Требуется Василь-Василич — везти Гараньку, но Василь-Василич «отархарейлся, достоял», и теперь заперся в конторке. Что поделаешь — масленица! Гараньке дают бутылку и оставляют на кухне: проспится к утру. Марьюшка сидит в передней, без причала, сердитая. Обидно: праздник у всех, а она... расстегаяев не может сделать! Загадили всю кухню. Старуха она почтенная. Ей накладывают блинков с икоркой, подносят лафитничек мадерцы, еще подносят. Она начинает плакать и мять платочек: — Всякие пирожки могу, и слоеные, и заварные... и с паншетом, и кулебяки всякие, и любое защипное... А тут, на-ка-сь... незащипанный пирожок не сделать! Я ему расстегаями нос утру! У Расторгуевых жила... митрополиты ездили, кулебяки мои хвалили...

Ее уводят в залу, уговаривают спеть песенку и подносят еще лафитничек. Она довольна, что все ее очень почитают, и принимается петь про «графчика, разрумяного красавчика»:

На нем шляпа со пером,
Табакерка с табако-ом!..

И еще, как «молодцы ведут коня под уздцы... конь копытом землю бьет, бел-

камушек выбьет...» — и еще удивительные песни, которых никто не знает. В субботу, после блинов, едем кататься с гор. Зоологический сад, где устроены наши горы, — они из дерева и залиты льдом, — завален глубоким снегом, дорожки в сугробах только. Видно пустые клетки с сухими деревцами; ни птиц, ни зверей не видно. Да теперь и не до зверей. Высоченные горы на прудах. Над свежими тесовыми беседками на горах пестро играют флаги. Рухаются с рычаньем высокие «дилижаны» с гор, мчатся по ледяным дорожкам, между валами снега с воткнутыми в них елками. Черно на горах народом. Василь-Василич распоряжается, хрипло кричит с верхушки; видно его высокую фигуру, в котиковой, отцовской, шапке. Степенный плотник Иван помогает Пашке-конторщику резать и выдавать билетки, на которых написано — «с обеих концов по разу». Народ длинным хвостом у кассы. Масленица погожая, сегодня немножко закрепило, а после блинов — катается.

— Миlien народу! — встречает Василь-Василич. — За тыщу выручки, кательщики не успевают, сбились... какой черед!..

— Из кассы чтобы не воровали, — говорит отец и безнадежно машет. — Кто вас тут усчитает!..

— Ни Бо-же мой!.. — вскрикивает Василь-Василич, — кажные пять минут деньги отымаю, в мешок ссыпаю, да с народом не сообразишься, швыряют пятаки, без билетов лезут... Эна, купец швырнул! Терпения не хватает ждать... Да Пашка совестливый... ну, трешница проскочит, больше-то не уворует, будь-покойны-с. По накатанному лотку втаскивают веревками вернувшиеся с другой горы высокие сани с бархатными скамейками, — «дилижаны», — на шестерых. Сбившиеся с ног катальщики, статные молодцы, ведущие «дилижаны» с гор, стоя на коньках сзади, весело в меру пьяны. Работа строгая, не моргни: крепко держись за поручни, крепче веди на скате, «на корыте».

— Не изувечили никого, Бог миловал? — спрашивает отец высокого катальщика Сергея, моего любимца.

— Упаси Бог, пьяных не допускаем-с. Да теперь-то покуда мало, еще не разогрелись. С огнями вот покатым, ну, тогда осмелеют, станут шибко одолевать... в шею даем!

И как только не рухнут горы! Верхушки битком набиты, скрипят подпоры. Но стройка крепкая: владимирцы строили-на совесть.

Сергей скатывает нас на «дилижане». Дух захватывает, и падает сердце на раскате. Мелькают елки, стеклянные разноцветные шары, повешенные на проволоках, белые ленты снега. Катальщик тормозит коньками, режет-скрежещет льдом. Василь-Василич уж разогрелся, пахнет от него пробками и мятой. Отец идет считать выручку, а Василь-Василичу говорит — «поручи надежному покатыть!». Василь-Василич хватает меня, как узелок, под мышку и шепчет: «надежней меня тут нету». Берет низкие саночки — «американки», обитые зеленым бархатом с бахромой, и приглашает меня — скатиться.

- Со мной не бойся, купцов катаю! — говорит он, сажаясь верхом на саночки. Я приваливаюсь к нему, под бороду, в страхе гляжу вперед... Далеко внизу ледяная дорожка в елках, гора, с черным пятном народа, и вьются флаги. Василь-Василич крикает, трогает меня за нос варежкой, засматривает косящим глазом. Я по мутному глазу знаю, что он «готов». Катальщики мешают, не дают скатывать, говорят — «убить можешь!». Но он толкает ногой, санки клюют с помоста, и мы летим... ахаемся в корыто спуска и выносимся лихо на прямую.

— Во-как мы-та-а-а!.. — вскрикивает Василь-Василич, — со мной нипочем не опрокинешься!.. — прихватывает меня любовно, и мы врезаемся в снежный вал. Летит снеговая пыль, падает на нас елка, саночки вверх полозьями, я в сугробе: Василь-Василич мотает валенками в снегу, под елкой.

— Не зашибся?.. Господь сохранил... Маленько не потрафили, ничего! — говорит он тревожным голосом. — Не сказывай папаше только... я тебя скачу лучше на наших саночках, те верней.

К нам подбегают катальщики, а мы смеемся. Катают меня на «наших», еще на каких-то «растопырях». Катальщики веселые, хотят показать себя. Скатываются на коньках с горы, руки за спину, падают головами вниз. Сергей скатывается задом. Скатываются вприсядку, вприсядку задом. Кричат — ура! Сергей хлопает себя шапкой:

— Разуважу для масленой... гляди, на одной ноге!.. Рухается так страшно, что я не могу смотреть. Эн уж он где, катит, откинув ногу. Кричат — ура-а-а!.. Купец в лисьей шубе покатился, безо всего, на скате мешком тряхнулся — и прямо головой в снег.

— Извольте, на метле! — кричит какой-то отчаянный, крепко пьяный. Падает на горе, летит через голову метла.

Зажигают иллюминацию. Рычат гулкие горы пустотой. Катят с бенгальскими огнями, в искрах. Гудят в бубны, пищат гармошки, — пьяные навалились на горы, орут: «пропадай Таганка-а-а!..» Катальщики разгорячились, пьют прямо из бутылок, кричат — «в самый-то раз теперь, с любой колокольни скатим!». Хватает меня Сергей:

— Уважу тебя, на коньках скачу! Только, смотри, не дергайся!.. Тащит меня на край.

— Не дури, убьешь!.. — слышу я чей-то окрик и страшно лечу во тьму. Рычит под мной гора, с визгом ворчит на скате, и вот огоньки на елках!..

— Молодча-га ты, ей-Богу!.. — в ухо шипит Сергей, и мы падаем в рыхлый снег, — насыпало полон ворот.

— Папаше, смотри, не сказывай! — грозит мне Сергей и колет усами щечку. Пахнет от него винцом, морозом.

— Не замерз, гулена? — спрашивает отец. — Ну, давай я тебя скачу. Нам подают «американки», он откидывается со мной назад, — и мы мчимся, летим, как ветер. Катят с бенгальскими огнями, горят разноцветные шары, — и

под нами, во льду, огни...

Масленица кончается: сегодня последний день, «прощеное воскресенье». Снег на дворе размазился. Приносят «масленицу» из бань — в подарок. Такая радость! На большом круглом прянике стоят ледяные горы из золотой бумаги и бумажные вырезные елочки; в елках, стойком на колышках, — вылепленные из теста и выкрашенные сажей, медведики и волки, а над горами и елками — пышные розы на лучинках, синие, желтые, пунцовые... — всех цветов. И над всей этой «масленицей» подрагивают в блеске тонкие золотые паутинки канители. Банщики носят «масленицу» по всем «гостям», которых они мыли, и потом уж приносят к нам. Им подносят винца и угощают блинами в кухне.

И другие блины сегодня, называют — «убогие». Приходят нищие — старички, старушки. Кто им спечет блинков! Им дают по большому масленому блину — «на помин души». Они прячут блины за пазуху и идут по другим домам.

Я люблюсь-любуюсь «масленицей», боюсь дотронуться, — так хороша она. Вся — живая! И елки, и медведики, и горы... и золотая над всем игра. Смотрю и думаю: масленица живая... и цветы, и пряник — живое все. Чудится что-то в этом, но — что? Не могу сказать.

Уже много спустя, вспоминая чудесную «масленицу», я с удивленьем думал о неизвестном Егорыче. Умер Егорыч — и «масленицы» исчезли: нигде их потом не видел. Почему он такое делал? Никто мне не мог сказать. Что-то мелькало мне?.. Пряник... — да не земля ли это, с лесами и горами, со зверями? А чудесные пышные цветы — радость весны идущей? А дрожащая золотая паутинка — солнечные лучи, весенние?.. Умер неведомый Егорыч — и «масленицы», ж и в ы е, кончились. Никто без него не сделает.

Звонят к вечерням. Заходит Горкин — «масленицу» смотреть. Хвалит Егорыча: — Хороший старичок, бедный совсем, поделочками кормится. То мельнички из бумажек вертит, а как к масленой подошло — «масленицы» свои готовит, в бани, на всю Москву. Три рубля ему за каждую платят... сам выдумал такое, и всем приятность. А сказки какие сказывает, песенки какие знает!.. Ходили к нему из бань за «масленицами», а он, говорят, уж и не встает, заслабел... и в холоду лежит. Может, эта последняя, помрет скоро. Ну, я к вечерне пошел, завтра «стояния» начнутся. Ну, давай друг у дружки прощенья просить, нонче прощенный день.

Он кланяется мне в ноги и говорит — «прости меня, милок, Христа ради». Я знаю, что надо делать, хоть и стыдно очень: падаю ему в ноги, говорю — «Бог простит, прости и меня, грешного», и мы стукаемся головами и смеемся.

— Заговены нонче, а завтра строгие дни начнутся, Великий Пост. Ты уж «масленицу»-то похерь до ночи, завтра-то глядеть грех. Погляди-полюбуйся — и разбирай... пряничка поешь, заговеться кому отдай.

Приходит вечер. Я вытаскиваю из пряника медведиков и волков... разламываю золотые горы, не застряло ли пяточка, выдергиваю все елочки, снимаю розы,

срываю золотые нитки. Остается пустынный пряник. Он необыкновенно вкусный. Стоял он неделю в банях, у «сборки», где собирают выручку, сыпали в «горки» денежки — на масленицу на чай, таскали его по городу... Но он необыкновенно вкусный: должно быть, с медом.

Поздний вечер. Заговелись перед Постом. Завтра будет печальный звон. Завтра — «Господи и Владыко живота моего...» — будет. Сегодня «прощеный день», и будем просить прощенья: сперва у родных, потом у прислуг, у дворника, у всех. Вассу кривую встретишь, которая живет в «темненькой», и у той надо просить прощенья. Идти к Гришке и поклониться в ноги? Недавно я расколол лопату, и он сердился. А вдруг он возьмет и скажет — «не прощаю!»?

Падаем друг дружке в ноги. Немножко смешно и стыдно, но после делается легко, будто грехи очистились.

Мы сидим в столовой и после ужина доедаем орешки и пастилу, чтобы уже ничего не осталось на Чистый Понедельник. Стучает дверь из кухни, кто-то лезет по лестнице, тычется головой в дверь. Это Василь-Василич, взъерошенный, с напухшими глазами, в расстегнутой жилетке, в розовой под ней рубахе. Он громко падает на колени и стучается лбом в пол.

— Простите, Христа ради... для праздничка... — возит он языком и бухается опять. — Справили маслену... нагрешили... завтра в пять часов... как стеклышко... будь-п-койны-с!..

— Ступай, проспись. Бог простит!.. — говорит отец. — И нас прости, и ступай. — И про... щаю!.. всех прощаю, как Господь... Иисус Христос... велено прощать!.. — он присаживается на пятки и щупает на себе жилетку. — По-бо-жьи... все должны прощать... И все деньги ваши... до копейки!. вся выручка, записано у меня... до гро-шика... простите, Христа ради!..

Его поднимают и спроваживают в кухню. Нельзя сердиться — прощеный день. Помолившись Богу, я подлезая под ситцевую занавеску у окошка и открываю форточку. Слушаю, как тихо. Черная ночь, глухая. Потягивает сыро ветром. Слышно, как капает, булькает скучно-скучно. Бубенцы, как будто?.. Прорывается где-то вскрик, неясно. И опять тишина, глухая. Вот она, тишина Поста. Печальные дни его наступают в молчаньи, под унылое бульканье капли.

Декабрь 1927 - декабрь 1931